

Литературные отголоски

Желание поэта исполняется съ избыткомъ: онъ остается не только человекомъ, но и нашимъ духовнымъ вождемъ, украшеніемъ нашей словесности. (мн-тифическо)

Въ «Нижегородскомъ Листѣ» появились «литературныя замѣтки» известнаго беллетриста М. Горькаго, посвященныя послѣднему произведенію Чехова. Критики этого писателя, — остроумно замѣчаетъ г. Горькій, — были всѣ бездарны, за исключеніемъ одного, который еще болѣе бездаренъ. Это, очевидно, побудило автора «Омы Гордѣва», по собственному почину, взять на себя роль даровитаго критика.

«Чехова упрекали въ отсутствіи міросозерцанія. Недѣльный упрекъ! Міросозерцаніе въ широкомъ смыслѣ есть нѣчто необходимо-свойственное человѣку, потому, что оно есть личное представленіе человѣка о мірѣ и о своей роли въ немъ».

Мнѣ когда-то приходилось опровергать этотъ упрекъ Чехову, но я никогда не находилъ его недѣльнымъ. Сдѣлавъ онъ Н. Б. Михайловскій и имѣлъ за себя нѣкоторыя вѣрные основанія. Я не знаю, что г. Горькій называетъ міросозерцаніемъ въ узкомъ смыслѣ. Широкое въ его смыслѣ міросозерцаніе «свойственно, — говоритъ онъ, — даже таракану, что и подтверждается тѣмъ, что большинство изъ насъ обладаетъ именно тараканьимъ міросозерцаніемъ, т. е. сидитъ всю жизнь въ тепломъ мѣстѣ, шевелитъ усами, ѣстъ хлѣбъ и расплачется тараканкою». Это, стало быть, міросозерцаніе въ широкомъ смыслѣ...

Крупный шагъ въ исторіи нашей мысли.

«У Чехова, — продолжаетъ критикъ, — есть нѣчто большее, чѣмъ міросозерцаніе: онъ овладѣлъ своимъ представленіемъ жизни и, такимъ образомъ, сталъ выше ея. Онъ освѣщаетъ ея ~~жизнь~~, ея неясности, ея стремленія, весь ея хаосъ съ высшей точки зрѣнія». Эта точка зрѣнія, но мнѣнію г. Горькаго, неумолима и не поддается опредѣленію, быть

можетъ, потому, что высшая; на этомъ основаніи г. Горькій сейчасъ же начинается ее улавливать и опредѣлять. Чеховъ говоритъ: «понять, значитъ простить»; и еще говоритъ: «помогите жить людямъ, помогайте другъ другу». Г. Горькій отмѣчаетъ въ его произведеніяхъ глубоко-человѣчный объективизмъ.

Мнѣ приходится сдѣлать, послѣ приведеннаго опредѣленія г. Горькимъ, достояніемъ критиковъ Чехова, нѣсколько цѣловное признаніе: и нѣмой написана была небольшая статейка о Чеховѣ. Это давно уже было, въ 1894 году. Вотъ что я, между прочимъ, тамъ писалъ: «Живая любовь къ живому человѣку и тонкое художественное чутье, съ какимъ Чеховъ любитъ и человѣка, и природу, придаютъ его думамъ о случайности и быстротечности жизни печальный, но мягкій отблескъ, подобный тому міропониманію, которое разлитъ въ произведеніяхъ Тургенева». Съ тѣхъ поръ Чеховъ постоянно дѣлаетъ прудные шаги впередъ, но никогда онъ не скажетъ и не подумаетъ того, что навязывается ему г. Горькій. Чеховъ, по его мнѣнію, все понимаетъ.

Онъ, какъ огромный рефлекторъ, собралъ въ лучи жизни, во въ краски, выявляетъ все дурное и хорошее въ сердцѣ своемъ и говоритъ:

«Жизнь долгая — будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія! Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ и ты моему слову вѣрь, милая».

Никогда, повторяю, такой писатель, какъ Чеховъ, этого не скажетъ и не подумаетъ. Большая это на него напраслина, и г. Горькій, обнаруживъ въ своей статьѣ большую талантливость, не обнаружилъ... мѣры.

В. Гольцевъ.